

Перед падением Советской власти в Барнауле.

(Июнь 1918 г.)

Героическая защита Алтая во время белогвардейского и чехо- словацкого выступления в Сибири составляет одну из самых славных страниц в истории нашего края. Как только в Барнауле получились первые сведения о чехо- словакском перевороте в Ново-Николаевске, ряды до тех пор немногочисленной красной гвардии сразу наполнились тысячами рабочих- добровольцев. Подъем был настолько велик, что многие желающие отправиться на фронт приходились отказывать, из-за недостатка оружия.

Теперь, оглядываясь назад, приходится лишь удивляться тому, как могли эти на спех сколоченные и мало- обученные красногвардейские части так долго держаться против превосходящего численностью, вооруженностью- организованного и дисциплинированного врага,— и не только держать, но и гасить его на значительном протяжении.

Уже пали Томск и Омск, чехо- словацкие и золотохонговые банды приближаются к Марийинску, а в это время разведочные группы алтайских отрядов подходит к самому Ново-Николаевску.

Но такое положение, конечно, долго продолжаться не могло. После падения Омска белогвардейцы подтянули силы с Запада и начали теснить наши части обратно в Барнаул. К 10-му июня положение на фронте стало настолько серьезным, что В. Рев. Комитет решил отправить на позиции последний оставшийся в городе вооруженный отряд— группу коммунистов в количестве 60 человек, которая несла внутреннюю охрану в городе.

Никогда не забуду сию отправки этого отряда. Все молоць к м лодцу, рослы, здоровые ребята, в большинстве скучавшие старые фронтовики. Выправка великолепная. Небольшая группа, но вет от нее стальной, непоколебимой мощью. Среди них много ответственных работников несколько членов Исполкома. Собрались на Демидовской площади. Вместе с председателем Губкома т. Присяганным отправляюсь напутствовать их.

Тихий, застенчивый „Зенифтьевич“ удивительно преображался когда выступал. Я не встречал еще такого оратора, который вульгарил бы столько „души“, столько искре-

вей, фанатической веры в свою речь, как этот скромный рабочий- кожевник. Его речь была одной из его лучших речей, его „хебединой песни“.

Он словно предчувствовал свою близкую кончину и смерть многих товарищ, отправлявшихся с этим отрядом на фронт.

После его речи говорить не приходилось... Тихо, молчаливо расходятся.

Стройными колоннами коммунисты идут на вокзал.

В ночь с 10-го на 11-е, варсе подутре 11-го июня, офицерско- белогвардейская организация, воспользовавшись почти полным отсутствием вооруженных сил в городе, предпринимает выступление. Не успел еще уснуть хорошенько будит частая перестрелка. Высыпавшую на улицу, спрашивая— в чем дело.

— «Да вот нашу почту берут»— отвечает пробегающий мимо гимназистик.

— Кто машет?

— Белые!—На бегу доносится ответ.

— Эге, думаю, надо повибривать ноги. Да уж поздно. Гимназистик побежал за подкреплением и мыgom несколько револьверов вырастают у лба.—Попал «в плен». Обыскивают, волокут на почту— и свой щаб.

Там уже наших не мало. Сначала заперли всех вместе в подвал. Потом рассортировали в „головку“, куда попадаю и я, ведут на верх. Законопатили в обитую железом кладовую для посылок, совершенно темную, только в дверях пробито крошечное скуховое окно. Тут же и Мялюков и Онучик, которых в это время вредят сильно избили.

Перестрелка не умолкает. Из разговоров с караульными узнаем, что Совет (помещавшийся) в нынешнем Дворце, и вокзал еще держится.

Сышим, перестрелка усиливается. Белогвардейцы на почте насущились, выбегали сверху вниз. По стенам защепали пули. Ясно, что идет выручка.

Наступил критический момент. Все уверены в том, что белогвардейцы перед бегством расправятся

ками. На всякий случай поснимали пиджаки и стояли у слухового окна: если караульные бросят бомбу, звесь поймаем. Но, видно, не решились.

Почта безлюдет. Несколько точительных минут ожидания. Вбагают наши, взламывают двери, и мы в свободе! Над почтой снова красный флаг...

Оказывается, что отряд коммунистов (80 человек), получив на фронте известие о восстании в Барнауле, вернулся в город и в несколько часов очистил его от белых, которых было не меньше 600 человек.

Сдашься в Совет. Разузнаем о его обороне. Прямо удивительно— 30 человек в течение 12 часов выдержали осаду нескольких сот белых. В этой обороне эпизодичное участие принимали тов. Е—ов и А. Ш. (и ныне работающие здесь). Видя, что приходится писать, они решили использовать находившийся в „Рыбочем Дворце“ старый, по-

дунспорческий бомбомет. Практических результатов от такой «бомбардирачки» и от таких «артilleryстов», конечно, ожидать не приходилось. Зато мерзялые результаты оказались огромны, даже сверх всякого ожидания. Напуганные шумом и грохотом бомбиста, белые решили, что в Совете имется, артиллерия и поспешили убраться из Ревельского училища.

* * *

Несмотря на подавление белогвардейского восстания 11го июня, судьба Барнаула была уже предрешена. 13го выяснилось, что он скружен со всех сторон, и чехословаки показались уже на горе. 13-го вечером эвакуировались по направлению к Семипалатинску все наши отряды. А 14-го, утром, город был уже в руках белых, которые озяблены расстрелом 50 захваченных на вокзале красногвардейцев.

Я. Е.